

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-83-90

**КОЛЛОКВИАЛИЗМ КАК ФЕНОМЕН
В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ
В. ТОКАРЕВОЙ «НИЧЕГО ОСОБЕННОГО»)**

© Ли Мэни

**COLLOQUIALISM AS A PHENOMENON IN MODERN WOMEN'S PROSE
(BASED ON V. TOKAREVA'S NOVELLA "NICHEVO OSOBNNOVO"
("NOTHING SPECIAL"))**

Li Mengyi

We associate the relevance of addressing the problem of the colloquial speech usage within the framework of a literary text and, in general, the consideration of individual techniques for creating colloquiality in the text with the need to determine the range of colloquial vocabulary use by masters of the word. Colloquiality is one of the most striking features of everyday speech related to spontaneity in communication. In everyday speech behavior of native speakers, colloquial speech clearly demonstrates both a function of communication and an expressive function. Colloquial speech is traditionally widely used by writers in a literary text to create a characters' speech portrait and increase the impact of the author's speech in works of fiction. The representatives of modern women's Russian prose are no exception. The purpose of the study is to identify the specifics of creating colloquiality in a literary text in the works of outstanding authors of modern women's prose. The study is based on V. Tokareva's novella "Nothing Special". This article uses descriptive and structural methods, as well as the method of linguistic and stylistic analysis in the study of the literary text. Particular attention is paid to individual techniques used for creating colloquialities in the text. We have come to the conclusion that V. Tokareva strives to bring the narrative closer to real life, to increase the expression of the narrative; therefore, she actively uses the elements of colloquial speech.

Keywords: colloquial speech, colloquialisms, women's prose, author's techniques, lexical means, V. Tokareva

Актуальность обращения к проблеме использования разговорной речи в рамках художественного текста и в целом к рассмотрению индивидуальных приемов создания коллоквиальности в тексте связана с необходимостью определить, каков спектр использования мастерами слова разговорной лексики. Известно, что коллоквиальность представляет собой одну из самых ярких черт разговорной речи и связана со спонтанностью в процессе коммуникации. Разговорная речь в обиходно-бытовом речевом поведении носителей языка ярко демонстрирует не только функцию общения, но и экспрессивную функцию. Она традиционно широко употребляется писателями для создания речевого портрета персонажей и увеличения воздействия авторской речи в художественном тексте. Представительницы современной женской русской прозы не стали исключением. Цель исследования – выявить специфику создания коллоквиальности в произведениях ярких представительниц современной женской прозы. Материалом исследования послужила повесть В. Токаревой «Ничего особенного». Описательный и структурный методы, а также метод лингвостилистического анализа были использованы автором в процессе анализа художественного текста в данной статье. Особое внимание было обращено на индивидуальные приемы создания коллоквиальности в тексте. Автор статьи приходит к выводу, что В. Токарева стремится приблизить повествование к реальной жизни, повысить экспрессию повествования, поэтому активно использует элементы разговорной речи.

Ключевые слова: разговорная речь, коллоквиализм, женская проза, авторские приемы, лексические средства, В. Токарева

Для цитирования: Ли Мэни. Коллоквиализм как феномен в современной женской прозе (на материале повести В. Токаревой «Ничего особенного») // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. №2 (72). С. 83–90. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-72-2-83-90

Коллоквиализм в лингвистических словарях объясняется как слово или выражение, свойственные разговорной речи [1], [2], которая в качестве объекта исследования давно привлекала лингвистов. Однако сам термин «коллоквиалистика» для обозначения лингвистического направления изучения разговорной речи, как отмечает И. Е. Литневская в своей монографии о проблемах изучения письменной разговорной речи, только в 1979 году предложил ученый В. Д. Девкин в своей монографии «Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика» [3, с. 8]. В рамках данного исследования мы рассматриваем коллоквиализм как феномен разговорной речи на лексическом уровне. Разговорная речь всё больше привлекает к себе внимание лингвистов на рубеже XX–XXI веков, о чем свидетельствует Е. К. Молчанова в своей рецензии на «Толковый словарь русской разговорной речи» (отв. ред. Л. П. Крысин), три выпуска которого увидели свет в 2014, 2017 и 2020 годах [4]. История исследования русской разговорной речи достаточно давняя, более ста лет назад она стала предметом изучения. Вначале – как разновидность литературного русского языка, и вплоть до середины XX века на этой основе в качестве ведущего направления проводились исследования русской разговорной речи. Стоит отметить, что в самом начале изучение современной русской разговорной речи было разделено на три основных аспекта, а именно: изучение разговорных диалектов, изучение диалогов и изучение речи городских жителей.

Особое значение имеют исследования, посвященные не региональным особенностям, а общерусским явлениям, характерным для неформальной разговорной речи. Наиболее фундаментальными из них, как отмечает О. Б. Сиротина в своем пособии, являются «Очерки по синтаксису русских народных говоров» А. Б. Шапи-ро, который рассматривает диалектную речь как наиболее типичную форму устной речи, описывая ее фонетическую структуру в реальных условиях окружающей среды говорящего [5, с. 6]. Однако, хотя автор довольно подробно сопоставил и проанализировал синтаксические особенности диалектной и книжной речи, его работа не описывает всю специфику русской устной речи, прежде всего в области синтаксиса, так как в ней отсутствуют сопоставление, анализ и индукция диалектной устной речи и устной литературной речи. Следует отметить, что А. Б. Шапи-ро четко сформулировал основные различия между разговорной (устной) и письменной речью. Можно отметить также вслед за О. Б. Сиротиной таких исследователей, как В. И. Собинникова, и ее

работы о простом и сложном предложениях на материале говоров Воронежской области; А. А. Никольский и его «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» (Душанбе, 1964); О. А. Лаптева и ее работы «Литературно-диалектные разновидности разговорно-обиходного синтаксиса и перспективы их сопоставительного изучения», «Общий разговорно-обиходный синтаксис. Явления в литературном языке и диалектах» [Там же, с. 7].

Еще в 20-е годы XX века Л. П. Якубинский обратил внимание на изучение диалогической речи [6]. Н. Ю. Шведова в своей работе «Очерки по синтаксису русской разговорной речи» [7] подробно описала разные типы синтаксических конструкций, характерных для русской разговорной речи и зафиксированных в русской классической литературе, в частности отметив особую роль частиц и т. д.

Наконец, большой вклад в изучение разговорного языка внес Б. А. Ларин, в работах которого подчеркивались «низшие ярусы» в разговорной речи и уточнялась проблема разграничения литературно-разговорной речи от просторечной и диалектной речи [5, с. 8].

Уже в так называемый подготовительный этап изучения русской разговорной речи многие лингвисты указывали на то, что устная форма русского разговорного языка отличается от его письменной формы, и в то же время призывали к изучению необработанной речи, на что указывал И. Р. Гальперин: «устная речь еще почти не подвергалась научному анализу» [8, с. 78].

Во второй половине XX века, то есть с 1960-х по 1970-е годы, изучение русского разговорного языка было начато фундаментально, а основные результаты исследований всё чаще представлялись для широкого обсуждения. В 1954–1955 годах в журнале «Вопросы языкознания» состоялась дискуссия по стилистике (см.: «Итоги обсуждения вопросов стилистики» В. В. Виноградова [9]), а после того как внимание лингвистов было сосредоточено на изучении проблем функциональной стилистики, в этом контексте разговорная речь также стала анализироваться как одна из функциональных разновидностей кодифицированного русского языка. В данном аспекте выявляются распределение частей речи на разных уровнях русского языка и сравнительные характеристики разговорного стиля. Специфика разговорного стиля речи по ряду лингвостатистических характеристик в Горьковском государственном университете (ныне – ННГУ им. Н. И. Лобачевского) была выявлена на речевом материале героев произведений художественной литературы. Особенности разговорного стиля как

функционального стиля представлены в работах А. Н. Васильевой (цит. по [5, с. 9]). К. Кожевникова, сравнив естественный разговорный язык и его репрезентацию в художественной прозе, пришла к выводу о принципиальной невозможности отражения спонтанной устной речи в художественном произведении и о принципиальном различии между живым разговорным языком и его репрезентацией (цит. по [Там же, с. 12]). Аналогичное мнение высказал В. В. Виноградов в своей работе «Поэтика. Теория поэтической речи. Стилистика» [10], считая, что в современном русском языке существует система функциональных стилей и разговорная речь, или обиходно-бытовой стиль, – одно из ее проявлений; при этом устный характер речи не считается определяющим. Т. Г. Винокур также исследует разговорную речь как функциональный стиль языка [11]. Одним из представленных направлений развития исследования русской разговорной речи является проект «Русский язык и советское общество», который начался в 1962 году под руководством М. В. Панова. Это исследование акцентирует внимание на живой речи разных слоев носителей современного русского языка, проводится анализ на материале магнитофонных записей живой разговорной речи (цит. по [5, с. 12–13]).

В 1970-е годы исследования были сосредоточены на изучении состояния и системных параметров разговорной речи, а также на выделении отдельных уровней и частей устной речи. В этот период были созданы три крупных центра исследования разговорной речи под руководством Е. А. Земской, О. А. Лаптевой и О. Б. Сиротининой [3, с. 9].

Проблемой влияния разговорной речи на кодифицированный литературный язык, возможностями использования разговорных слов и конструкций в авторской речи художественных произведений активно занимались в разное время, как отмечает исследователь Н. В. Рыжова в своей статье, такие ученые, как В. Д. Левин, Т. Г. Винокур, Е. Ф. Петрищева. Роль разговорных элементов в газетном языке изучали В. Г. Костомаров, А. В. Швеца [12, с. 29]. Однако исследование разговорной речи на материале современной женской прозы не привлекало достаточного внимания. Женская проза как индивидуальный феномен в современной русской литературе уже была рассмотрена в сфере литературоведения, психологии, социологии и др., а в области языкознания белых пятен еще много. Таким образом, настоящая работа, как хотелось бы надеяться, послужит системному изучению письменных форм разговорной речи в художественном тексте. Надо отметить, что в художественных произведениях под понятием «разговорная речь»

подразумевается не живая (спонтанная) речь, а нечто иное, это стилизация одного из функциональных стилей речи, а именно – разговорного стиля с его типовыми характеристиками на разных языковых уровнях.

Виктория Токарева – яркая представительница современной русской литературы, которую любят и признают российские и зарубежные читатели за выдающийся творческий талант и замечательные произведения, в которых представлено много различных женских образов. Ее уникальные художественные приемы и стиль повествования производят глубокое впечатление на читателей. Нельзя игнорировать, что в ее произведениях присутствует большое количество разговорных элементов, которые могут быть использованы в качестве корпуса для изучения русской разговорной речи в ее письменной форме в художественном тексте. Итак, в нашей статье мы выбрали в качестве объекта исследования репрезентативную повесть В. С. Токаревой «Ничего особенного» [13, с. 375–423].

В повести «Ничего особенного» рассказывает история об одной обычной девушке, Маргарите Полудневой, которая, трижды пережив любовные отношения, не утратила стремления к счастью и надежды его обрести. Писательница отказалась от традиционного для своего творчества метода, то есть ориентира на сюжет, а предпочла сконцентрироваться на персонаже, вернее – мелочах повседневной жизни главной героини и описании ее внутреннего мира, чтобы сформировать женский образ, отражающий идею произведения и выражающий мировоззрение автора. Несмотря на то что Токарева прекрасно создает образы героев и раскрывает сюжетные линии с так называемой микроскопической точки зрения, а именно из малых подробностей повседневной жизни персонажей, произведение не является длинным, неясным и трудным для восприятия. Как раз наоборот, писательница всегда может использовать простую и точную лексику и выражения, позволяющие читателям легко понять характеристики персонажей, предысторию сюжета и направление развития событий. Важную роль в этом сыграло употребление разговорной лексики.

Обратимся непосредственно к анализу названного художественного текста и приведем из него соответствующие примеры:

Через два месяца после знакомства Мария Мохаммед [араб с роскошным именем] вернулся к своему гарему [13, с. 376] (здесь и далее разрядка наша – Л. М.).

Разговорным словом является лексема *гарем*, которая выступает здесь как собирательное существительное, обозначая жен и наложниц му-

сульманина [2]. Такая лексика с национально-культурной окраской используется автором для отражения традиционной особенности арабских стран. Появление этого слова заставляет читателя ощутить культурный шок (термин К. Оберга), иначе говоря – некий дискомфорт, вызванный столкновением с нормами разных стран и национальностей, что равносильно тому, чтобы заранее показать окончание безболезненных любовных отношений главной героини. Далее же следует объяснение: *Любовь бессильна перед политикой. Потому, наверное, что любовь касается только двоих людей, а политика – многих* [13, с. 376]. Таким образом, автор раскрывает данную сюжетную линию спонтанно, естественно и лаконично для того, чтобы читатели могли легко понять и принять одновременно первого появившегося героя-мужчину, чьи характеристики производят на читателя глубокое впечатление.

Стоит также отметить, что автор употребляет разговорную лексику, сниженную (просторечие) и экспрессивно-оценочную, для создания характеристики или описания состояния персонажей, а также отражает их отношение к окружающему миру:

- *Официально Марго считалась мать-одиночка, хотя грамотнее говорить мать-холостячка* [13, с. 376].

Просторечным словом является лексема *холостячка*, которая обозначает «незамужнюю женщину (обычно о немолодой женщине)» (Толковый словарь Ожегова) [2]. Таково авторское позиционирование образа главной героини произведения, и это предвещает, помимо прочего, низкую самооценку из-за материального неблагополучия (бедности) и возраста. Одновременно данная характеристика героини определяет ее положение в обществе, а также указывает на то, что в будущем ей предстоит трудная жизнь в одиночестве и обрести женское счастье будет еще сложнее. Сниженную разговорную лексику автор применяет для обозначения социального статуса главной героини.

Автор довольно часто использует яркие разговорные лексемы в пределах авторской речи для характеристики персонажа:

- *Поэтому Марго либо спала, либо существовала в некотором обалделом состоянии* [13, с. 379–380].

Слово *обалделый* в лексикографических источниках имеет стилистическую помету как «прост.» (Толковый словарь Ожегова), так и «разг.» (Толковый словарь Ефремовой), обозначая «потерявший способность соображать; отупевший, одурелый» [2]. Автор использует его, чтобы показать ужасное состояние главной героини. Хотя после автокатастрофы она осталась

жива, но морально была полностью раздавлена, ни одного чувства у нее не осталось: ни страха, ни огорчения, ни удивления.

- *Марго легонько улыбнулась: дескать, ничего, прорвемся!* [13, с. 381].

Разговорным словом является наречие *легонько* со значением «слабо, несильно, чуть заметно» (Толковый словарь Ушакова) [2]. С помощью этой стилистически маркированной лексемы в описании мимики персонажа видно, что состояние у главной героини начинает улучшаться, и она почувствовала себя счастливее благодаря попечению лечащего врача.

- *Корольков был худ, subtilen. Надежда – громоздкая, широкая, как диван-кровать, поставленная на ребро* [13, с. 392].

В качестве предиката выступает краткая форма заимствованного в XVIII веке из польского языка, где через немецкое посредство восходит к лат. *subtilis* (Этимологический словарь Шанского), имени прилагательного *субтильный*, которое в лексикографических источниках сопровождается стилистической пометой «разг.» (Толковый словарь Кузнецова) и «разг., часто ирон.» (Толковый словарь Ожегова), означает: «хрупкого телосложения, нежный, тонкий, слабый» (Малый академический словарь) [2]. Использование этого слова не только характеризует конституцию Ивана Петровича, которая резко контрастирует с фигурой его жены, но и дает читателям возможность определить, что эта пара не подходит друг другу.

- *Однако бросить ее беременную было неудобно: городок маленький, все на виду. Начнут судачить* [13, с. 393].

Разговорным словом, с оттенком фамильярности по своим экспрессивно-оценочным свойствам, является производный глагол *судачить*, то есть «разговаривать, занимаясь сплетнями, пересудами» (Толковый словарь Ушакова) [2]. Как видим, Корольков находился в очень сложной ситуации. Под давлением он был вынужден жениться на Надежде и взять на себя собственно семейные обязанности. Таким образом, читателям легко понять причину, почему герои никогда не были счастливы.

- *На секунду Королькову всё показалось нереальным: дорога, собака, милиционер, этот разговор с высоким процентом идиотизма* [13, с. 400].

С помощью употребления разговорного слова *идиотизм*, которое может свидетельствовать о «бессмысленном, глупом поступке, поведении и т. п.» (Толковый словарь Кузнецова) [2], отражается беспомощное настроение Королькова после то-

го, как он пережил серию неожиданных и абсурдных событий за короткий промежуток времени.

- – *Я всё время буду в напряженке. Она вечно что-нибудь ляпнет, что всем неудобно...* [13, с. 414].

Использование дочерью просторечного слова *ляпнуть* в значении «сказать что-либо необдуманно, бестактно, некстати» (Малый академический словарь) [2] при описании поведения собственной матери ясно показывает неприязнь и неуважение к ней, в то же время это свидетельство того, что она была избалована родителями в детстве, поэтому к 16 годам у Оксаны сформировался эгоистичный и грубый характер.

- *Перед тем как сесть в машину, постоял, привалившись к дверце. Мутило. Хотелось вытошнить весь сегодняшний день. Да и всю свою жизнь* [13, с. 401].

Из следующих двух разговорно-просторечных слов: безличной формы глагола *мутить* «о состоянии тошноты, дурноты» и инфинитива *вытошнить* «то же, что стошнить» [14] – очевидно, в какой степени Корольков чувствовал себя плохо. Когда он на дороге возился с собакой, попавшей под машину «Москвич», его плохое состояние было вызвано не только физическим, но внутренним дисбалансом, фрустрацией. Животное трагически погибло – душа дрогнула.

Следует сказать, что яркая грань приема стилизации разговорной речи состоит в представлении персонажа в связи с социальным статусом и профессиональным делом. Выше мы уже указали, что разговорная речь используется в неформальном общении, однако это не значит, что термины здесь вообще не имеют места быть. Наоборот, слова или составные наименования, представляющие собой специальные понятия из области науки, техники, права, спорта, искусства и т. д., используются обычно в переносном (образном) значении исходя из контекста для того, чтобы дать более яркую и полную характеристику разным героям, поскольку разговорная речь тематически не ограничена. То есть реализацией разговорной речи в художественном тексте может быть, условно говоря, неофициальное профессиональное повествование (за пределами научных дисциплин, отраслей производства и техники). Так, например, когда речь идет о втором герое-мужчине, обрусевшем грузине по имени Гоча, писательница очень часто употребляет слова, связанные с теорией музыки, поскольку тот учился в консерватории:

- *А Марго являлась как бы побочной партией. А вся его жизнь – симфоническая поэма-экстаз* [13, с. 377].

Многозначное слово *партия* в сфере искусства обозначает «часть многоголосного музыкального произведения, исполняемую одним певцом или одним инструментом» [14], а словосочетание *симфоническая поэма-экстаз* – это оркестровая эпопея, обычно исполняемая различными музыкальными инструментами и человеческими голосами в сотрудничестве, в результате чего получается великолепное и страстное музыкальное произведение (Ср. образы-состояния у А. Н. Скрябина). Данная профессиональная лексика, таким образом, обеспечивает яркое, оценочное описание персонажа автором.

В то же время из сравнения этих двух музыкальных терминов заметно, что героиня для Гочи ничего не значит, она как бы играет скромную, второстепенную роль. На самом деле настоящей любви она не получала вообще, что подтверждается другим типичным выражением: *Главная тема [осложненная любовь] гармонично переплеталась с побочной партией. В музыке это называется полифония* [13, с. 377].

Как видим, все эти музыкальные термины вплетены в разговорную речь, поскольку показывают изменение состояния любовных отношений, не обнаруживая собой официальную дефиницию, а отражают внутренний мир персонажа и его личные особенности. Такое повествование позволяет читателям легко воспринимать то, что Гоча является студентом-музыкантом, полным сентиментальности.

Затем, когда появился третий герой-мужчина, широко используются профессиональные медицинские термины, которые вплетены в повествование наряду с разговорными элементами и конструкциями:

- *Он торопливо осматривал шов, говорил, что у нее первая степень заживляемости и что она – молодец* [13, с. 388];

- *Весь послеоперационный период он не отходил от нее ни за шаг. Боялся перитонита* [Там же, с. 403];

- *Иван Петрович шел на работу пешком. Он считал, что половина болезней от гиподинамии – недостатка движений, вялости сердечной мышцы* [Там же, с. 396];

- *Свою бессимптомную язву, которая была опасна именно бессимптомностью и грозила прободением? Что еще мог он предложить любимой женщине?* [Там же, с. 404];

- *О Марго он сознательно не думал. Боялся: если начнет думать, сердце треснет по-прежнему шву* [Там же, с. 421].

Автор активно употребляет лексику, связанную с медицинской областью, чтобы описать ок-

ружающую этого героя среду и его поведение. Созданный таким образом персонаж дает читателям ощущение того, что перед ними рационально мыслящий человек, поэтому вполне закономерно объясняется подавление им эмоций по отношению к главной героине. Корольков выказал Маргарите Полудневой свою любовь, но не вернулся и не принес ей снова того счастья, хотя сам обещал. Он никогда не жил, как хотел, а всегда жил, как должен был. В этой связи всё равно будет рационально думать, принимая решение.

В исследуемом произведении, помимо указанного выше, очевидно, что В. С. Токарева широко употребляет уменьшительно-ласкательную лексику:

- *Взял ее руки в свои и стал дышать на пальцы, как будто ее рука была замерзшей птичкой, а он отогревал ее своим дыханием* [13, с. 382].

Лексема *птичка* является уменьшительно-ласкательной формой, производной к слову *птица*, и обычно означает «небольшую птицу (обычно певчую)» (Малый академический словарь), а также в разговорной речи «употребляется как ласковое обращение к кому-либо (обычно к ребенку, девушке, женщине)» (Толковый словарь Ефремовой) [2]. Писательница не случайно акцентирует внимание на холодных руках Марго. Этим эпитетом подчеркивается слабость и бессилие главной героини, уставшей от предыдущей любви-жертвы. Тщательный уход лечащего врача в больнице после операции, которая могла стать роковой, как и поездка на отдых в Гагры, подарит ей тепло и заботу, которые раньше она получала недостаточно. Одновременно Корольков не только восстановил температуру рук, но и согрел одинокое сердце женщины.

Уменьшительно-ласкательные слова появляются при описании героини:

- *Марина была молодая, с хорошеньким обиженным личиком* [13, с. 393].

При описании внешности официантки из чайной автор использует сразу две уменьшительно-ласкательные формы, производные от слов *хороший* и *лицо*, сочетая их в коротком предложении для передачи красоты и привлекательности той, которая в Торопце нравилась 26-летнему Ивану Королькову, но он ее стеснялся.

- *Он целовал каждый ее пальчик по очереди, гладил серенькие перышки волос* [Там же, с. 397].

Лексема *пальчик* и словосочетание *серенькие перышки* (волос) прямо отражают не столько миловидность 9-летней Оксаны, сколько отцовскую любовь и бережное отношение Королькова к своей дочери.

- *Марго постоянно развлекала его и напоминала себе няньку, которая приплясывает и прихлопывает перед капризным ребенком, чтобы он съел ложечку каши* [Там же, с. 384].

Лексема *ложечка* относится к уменьшительно-ласкательной форме от слова *ложка* и обозначает «небольшую ложку» [14]. Писательница использует этот деминутив, имеющий добавочный экспрессивно-эмоциональный оттенок значения сочувствия или, наоборот, уничижительности, пренебрежения (Толковый словарь Ефремовой) [2], для того, чтобы изобразить, как Марго не получает взаимности от Гочи, несмотря на всю любовь и энергию, которую она ему дарит. Привычный столовый прибор издревле наделен символической функцией: счастье, которое приобретает Марго в этом отношении, очень маленькое, да и достается крайне трудно.

В повести «Ничего особенного» встречаются окказионализмы, обусловленные стремлением автора точно и кратко выражать мысли и идеи. Они созданы В. С. Токаревой по существующим моделям словообразования, имеют характерный оттенок новизны (отличный от общепринятого), зависят от конкретных условий использования:

- *Каждое утро он входил, полувбегал в палату. Полувбегала в палату ее жизнь, и из ее глаз, из макушки, как фонтанчики воды у кита, разбрызгивались флюиды счастья* [13, с. 384].

Лексема *полувбегать* образована путем присоединения префиксоида *полу-* к производящей глагольной основе *вбегать*. Начальное *полу-* как часть сложных слов в современном русском языке имеет следующую семантику: 1) половина чего-либо, например: *полуверста*, *полукольцо*; 2) наполовину, пополам с чем-либо другим, например: *полушелковый*, *полушерстяной*; 3) не совсем, не доведенный до конца, почти сделать что-либо, например: *полубезумный*, *полудикий*, *полубессознательный*, *полусидеть* (Толковый словарь Кузнецова) [2]. Что касается глагола *вбегать*, то он означает «вбежать куда, во что, войти бегом, ускоренной походкой, стремительно» (Толковый словарь Даля) [2]. Писательница создала данное слово в контексте для того, чтобы точнее описать, как Корольков быстро и ненадолго появлялся в палате Марго, так он и в жизни ее возник внезапно. С помощью *полу-* точно и лаконично обрисовывается, что на самом деле Иван Петрович очень хотел войти не только в палату, но и в жизнь Марго, при этом намеренно подавлял свои эмоции и не осмеливался полностью высвободить их.

- *Алевтина была погружена в свое дыхание, пищеварение и, проглатывая кусок очередного суперпродукта, ныряла вместе с кус-*

ком в свой пищевод, потом доплывала до желудка и слышала... [13, с. 385].

Согласно Большому энциклопедическому словарю *супер-* (от лат. *super* сверху, над) – приставка, означающая: 1) расположенный сверху, над чем-либо (например, *суперобложка*); 2) высшего качества чего-либо (например, *суперэлит*); 3) главный (например, *суперарбитр*) [2]. Лексема *суперпродукт* в данном контексте приобретает окказиональное значение, так как метко и выразительно рисует размер пищи и то, насколько сосредоточена и усердна соседка Марго по палате во время еды.

Кроме таких окказиональных значений, которыми Токарева наделяет имеющиеся в языке слова, в повести «Ничего особенного» еще встретился индивидуально-авторский неологизм, значение которого расширяется в определенном контексте:

• – *Кентавр – полуконь-получеловек. А ты – полустарик-полудитя* [13, с. 417].

Слово *кентавр* в устах Надежды получает иное толкование и приобретает дополнительное лексическое значение «полустарик-полудитя», наполненное контрастным сочетанием. Писательница этим определением передает отношение к нелюбимому мужу жены, которая экспрессивно его характеризует. Корольков удивительный: он стереотипен и консервативен, но в то же время наивен и импульсивен.

В тексте «Ничего особенного» типичной характеристикой индивидуально-авторских приемов создания коллоквиальности является употребление соответствующих фразеологических единиц:

• – *Счастливая. В рубашке родилась* [Там же, с. 378].

Разговорный устойчивый оборот *родиться в рубашке* (сорочке) используют, когда говорят о счастливом и удачливом человеке (Фразеологический словарь русского литературного языка) [15]. Этот фразеологизм употребляют также применительно к тому, кто чудом спасся от неминуемой опасности, избежал гибели. Именно это выражение используется писательницей в тексте для того, чтобы отразить то, как Марго повезло, когда остальные погибли в катастрофе.

• – *Не вали с больной головы на здоровую. Я всегда всё делала так, как ты хотел. И продолжаю делать, как ты хочешь* [13, с. 416].

Фразеологизм *с больной головы на здоровую* является просторечным. Он используется для выражения неодобрения, имея значение «обвинить кого-либо в том, в чём виноват сам» (Фра-

зеологический словарь русского литературного языка) [15]. Этот устойчивый оборот применяется здесь для того, чтобы ярко описать обиду жены, неудовлетворенность и гнев в связи с обвинениями, укором мужа в ее адрес.

Итак, при создании эмоциональности и выразительности в художественном тексте В. С. Токарева употребляет разные лексические средства, в частности использует активное включение разговорной лексики, в том числе сниженной по своей экспрессивной окраске, причем просторечные слова играют особую роль для отражения эмоций персонажей. Именно благодаря разговорной лексике писательница может легко и непринужденно изобразить психологическую активность, изменения во внутреннем мире персонажей, их отношение к людям, вещам в окружающем мире, а также их оценку. В диалогах персонажи употребляют фразеологические единицы, имеющие яркую разговорную окраску, что свидетельствует о намеренном создании коллоквиальности речи персонажей и одновременно усиливает экспрессию художественного текста. Кроме того, в соответствии с различными профессиями, личностями и социальным статусом персонажей для их характеристики подбираются соответствующие коллоквиализмы, чтобы сделать характеристики образа каждого персонажа более отчетливыми и аутентичными и произвести глубокое впечатление на читателя.

Разговорные лексические элементы в создании эффекта воздействия в женской прозе играют уникальную роль. Эти языковые средства выразительно описывают внутренний мир персонажей и ярко отображают их характер, а также углубляют экспрессивность выражения авторской идеи и делают язык произведений ярким, эмоциональным и выразительным.

Список источников

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2004. 576 с. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm (дата обращения: 17.04.2023).
2. Gufo.me – словари и энциклопедии. URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 17.04.2023).
3. Литневская И. Е. Письменные формы русской разговорной речи: (К постановке проблемы): Монография. М.: МАКС Пресс, 2011. 304 с.
4. Молчанова Е. К. О современном исследовании разговорной речи // Социолингвистика. 2020. № 1. С. 147–153.
5. Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности: Учеб. пос. для студ. пед. ин-тов по спец. «Рус. яз. и литература». М.: Просвещение, 1974. 144 с.

6. Якубинский Л. П. О диалогической речи // Якубинский Л. П. Избранные работы: Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. С. 17–58.
7. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 377 с.
8. Гальперин И. Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 76–86.
9. Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания. 1955. № 1. С. 60–87.
10. Виноградов В. В. Поэтика. Теория поэтической речи. Стилистика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.
11. Винокур Т. Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 12–100.
12. Рыжова Н. В. Изучение разговорной речи как особой разновидности языка художественной литературы // Вестник РУДН, сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2003. № 1. С. 29–34.
13. Токарева В. Ничего особенного: Рассказы и повести. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 480 с.
14. Карта слов и выражений русского языка. URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 17.04.2023).
15. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru> (дата обращения: 17.04.2023).

References

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Izd. 2-e, stereotipnoe. 576 p. Moscow, Editorial URSS. URL: https://classes.ru/grammar/174.Akhmanova/source/worddocuments/_13.htm (accessed: 17.04.2023). (In Russian)
2. *Gufo.me – slovari i entsiklopedii* [Dictionaries and Encyclopedias]. URL: <https://gufo.me/> (accessed: 17.04.2023). (In Russian)
3. Litnevskaya, I. E. (2011). *Pis'mennye formy russkoi razgovornoj rechi (k postanovke problemy): Monografiya* [Written Forms of Russian Colloquial Speech: (On the Problem): A Monograph.]. 304 p. Moscow, MAKSS Press. (In Russian)
4. Molchanova, E. K. (2020). *O sovremennom issledovanii razgovornoj rechi* [Written Forms of Russian

- Colloquial Speech: (On the Problem): A Monograph]. *Sotsiolingvistika*. No. 1, pp. 147–153. (In Russian)
5. Sirotinina, O. B. (1974). *Sovremennaya razgovornaya rech' i ee osobennosti. Ucheb. posobie dlia studentov ped. in-tov po spetsial'nosti* [Modern Colloquial Speech and Its Features: A Textbook for Students of “Rus. Lang. and Literature”]. *Russkii yazyk i literatura*. 144 p. Moscow, Prosveshchenie. (In Russian)
6. Yakubinskii, L. P. (1986). *O dialogicheskoi rechi* [On Dialogic Speech]. *Izbrannye raboty: Yazyk i ego funktsionirovanie*. Pp. 17–58. Moscow, Nauka. (In Russian)
7. Shvedova, N. Yu. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoi razgovornoj rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. 377 p. Moscow, izd-vo AN URSS. (In Russian)
8. Gal'perin, I. R. (1954). *Rechevye stili i stilisticheskie sredstva yazyka* [Speech Styles and Stylistic Means of Language]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 4, pp. 76–86. (In Russian)
9. Vinogradov, V. V. (1955). *Itogi obsuzhdeniya voprosov stilistiki* [Stylistics Issues Discussion Results]. *Voprosy yazykoznaniiya*. No. 1, pp. 60–87. (In Russian)
10. Vinogradov, V. V. (1963). *Poetika. Teoria poeticheskoi rechi. Stilistika* [Poetics. Theory of Poetic Speech. Stylistics]. 255 p. Moscow, izd-vo AN URSS. (In Russian)
11. Vinokur, T. G. (1968). *Stilisticheskoe razvitiye sovremennoi russkoi razgovornoj rechi* [Stylistic Development of Modern Russian Colloquial Speech]. *Razvitiye funktsional'nykh stilei sovremennogo russkogo yazyka*. Pp. 12–100. Moscow, Nauka. (In Russian)
12. Ryzhova, N. V. (2003). *Izuchenie razgovornoj rechi kak osoboï raznovidnosti yazyka khudozhestvennoi literatury* [Different Aspects of Colloquial Speech in the Belles-Letters Language]. *Vestnik RUDN, ser. Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniia*. No 1, pp. 29–34. (In Russian)
13. Tokareva, V. (2021). *Nichego osobennogo: Rasskazy i povesti* [Nothing Special: Novellas and Short Stories]. 480 p. St. Petersburg, Azbuka. (In Russian)
14. *Karta slova i vyrazhenii russkogo yazyka* [Map of the Word and Expressions of the Russian Language]. URL: <https://kartaslov.ru> (accessed: 17.04.2023). (In Russian)
15. *Slovari i entsiklopedii na Akademike* [Dictionaries and Encyclopedias on Academic]. URL: <https://dic.academic.ru> (accessed: 17.04.2023). (In Russian)

The article was submitted on 11.06.2023
Поступила в редакцию 11.06.2023

Ли Мэни,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
limengyi8888@163.com

Li Mengyi,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
limengyi8888@163.com